АРХЕОГРАФИЯ: КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ АЗИИ

ARCHAEOGRAPHY: CULTURAL CODES OF ASIA

Научная статья
УДК 94(510)
DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-3-128-135

Халхасский Цогту-тайджи: диссонанс оценок в историографии

Поогоо Чултэмсурэн[1], Александр Дмитриевич Гомбожапов[2]
[1]Национальный центральный архив Монголии, г. Улан-Батор, Монголия
[2]Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия
[1]chultemsurenp@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-3197-3289,
[2]agombozh@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-9793-2274

В статье представлен анализ политической и религиозной деятельности Цогту-тайджи, одной из противоречивых личностей в истории Монголии. В анализе деятельности Цогту-тайджи применён историко-биографический метод. Он позволил проследить истоки формирования политических взглядов Цогту-тайджи. Применение сравнительно-исторического метода выявило общие черты и различия в политических тенденциях Внутренней (Южной) и Халха (Северной) Монголии. Аналитическое сопоставление основных обстоятельств политической борьбы в среде правящего слоя показало, что религиозный фактор стал основной разграничительной линией противоборствующих сторон. На материалах письменных и фольклорных источников прослежены мотивы и причины, побудившие Цогту-тайджи стать сторонником Лигдэн-хана, последнего всемонгольского хана, выступившего за объединение монгольских уделов и централизацию власти в своих руках. Для решения данного вопроса рассмотрен характер взаимоотношений Цогту-тайджи с влиятельными княжескими домами Халхи. Показано, что выразителями общего недовольства знати деятельностью Цогту-тайджи могли быть только правители крупных монгольских удельных владений: Сайн-ноён, Тушэту-хан и Сэцэн-хан. Поддержка Цогту-тайджи политики централизации власти в руках чахарского Лигдэн-хана вела в условиях удельной раздробленности территорий монгольских правителей Халхи к постепенной изоляции Цогту-тайджи, что в итоге обернулось изгнанием из родных земель. К сложному результату переплетений внутренних политических условий и религиозных взаимоотношений был добавлен внешний фактор – нарождающееся государство маньчжуров, которое, став центром притяжения монгольской элиты, было заинтересовано во фрагментарности монгольского политического пространства. Возможно, что и политическая позиция Цогту-тайджи обрела свои окончательные черты именно под влиянием этого обстоятельства.

Ключевые слова: Цогту-тайджи, Халха, Монголия, буддизм, Сакья, Гелуг, Лигдэн-хан

© Поогоо Чултэмсурэн, Гомбожапов А. Д., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная
The content is available under the Creative Commons "Attribution" 4.0 International

Original article

Khalkhas Tsogtu Khuntaiji: Dissonance of Assessments in Historiography

Poogoo Chultemsuren[1], Alexander D. Gombozhapov[2]

[1]National Archives of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia Institute for Mongolian,
[2]Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia
[1]chultemsurenp@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-3197-3289,
[2]agombozh@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-9793-2274

The article presents an analysis of the political and religious activities of Tsogtu Khuntaiji, one of the controversial personalities in the history of Mongolia. In the analysis of the activities of Tsogtu Khuntaiji, the historical-biographical method was applied. It made it possible to trace the origins of the political views of Tsogtu Khuntaiji. The application of the comparative historical method revealed common features and similarities in the political trends of Inner (Southern) and Khalkha (Northern) Mongolia. Analytical comparison of the main circumstances of the political struggle among the ruling stratum showed that the religious factor has become the main dividing line of the warring parties. Using the materials of written and folklore sources, the motives and reasons that prompted Tsogtu Khuntaiji to come out as a supporter of Ligden Khan are traced. The latter was the bearer of the title of Great khan and sought to revive a single Mongolian state. To resolve this issue, the nature of the relationship between Tsogto Khuntaiji and the influential princely houses of Khalkha is considered. It is shown that the general dissatisfaction of the nobility with the activities of Tsogto Khuntaiji was expressed in the person of the rulers of large Mongolian specific possessions: Sain-noyon, Tushetu-khan and Setsen-khan. The support of Tsogto Khuntaiji for the policy of centralization of power in the hands of the Chakhar Ligden Khan led, in the conditions of the specificity of the Mongol rulers of Khalkha, to his gradual isolation, which eventually turned into expulsion from his native lands. An external factor was added to the complex tangle of interweaving of internal political conditions and religious relations – the emerging state of the Manchus, which, having become the center of attraction for the Mongolian elite, was interested in the fragmentation of the Mongolian political space. It is possible that the political position of Tsogto Khuntaiji acquired its final features precisely under the influence of this circumstance.

Keywords: Tsogtu Khuntaiji, Khalkha, Mongolia, Buddhism, Sakya, Gelug, Ligdan-khan

Введение. Одним из сложных и драматичных периодов в истории Монголии является XVII в., когда обострение внутренних противоречий между раздробленными частями некогда великой Монгольской империи достигло своего пика. Именно в этот период в Северо-Восточной Азии началось победное шествие нового государства восточных соседей монголов – маньчжуров [1; 2]. После подчинения южномонгольских племён и завоевания Китая оно стало именоваться Цинской империей. Государство уже с момента своего зарождения представляло потенциальную, а затем и реальную угрозу для ханств Халха-Монголии [3]. Монгольская элита понимала всю опасность создавшегося положения, вызванного появлением маньчжурского государства, но не предпринимала активных действий.

XVII в. также известен укреплением религиозных связей монгольского мира с Тибетом, соответственно, появлением и особым влиянием тибетского религиозного фактора во внутренней и внешней политике монгольских ханств. На северных границах монгольского мира появились русские казаки, своим проникновением свидетельствовавшие об активизации восточной политики Русского государства. Таким образом, в XVII в. геополитическая обстановка во Внутренней Азии изменилась кардинальным образом.

Успех территориальной экспансии Цинской империи в Центральной Азии нельзя объяснить без подробного анализа политической ситуации в Халха-Монголии. Маньчжурским давлением на монгольские ханства был остро поставлен вопрос о сохранении их самостоятельности и независимости. Наиболее последовательным противником маньчжурского продвижения среди монгольской элиты стал халхаский князь Цогту-тайджи[1] (монг. *Čoγtu tayiǰi*), занявший непримиримую позицию по отношению к цинскому двору [4]. В монгольских и тибетских исторических хрониках, содержащих лаконичные сведения о биографии Цогту-тайджи, отражена крайне тенденциозная оценка его деятельности, понятная в силу задач цинской придворной историографии и монгольской элиты. Наиболее очевидным свидетельством этого является полное игнорирование имени Цогту-тайджи в официальных изданиях. Среди них одним из значимых явля-

[1] В научной литературе встречаются и другие варианты написания имени: Цогту – хунтайджи, Цогт – тайж и Цогто – хунтайджи.

ется «История монгольских ханов и тайджей», где фиксировалась родословная всей правящей элиты. Она была составлена по указанию цинского императорского двора, неоднократно издавалась и распространялась среди её представителей. Несмотря на принадлежность Цогту-тайджи к правящему роду, политический статус и ту заметную деятельность, которую он проводил по распространению буддизма в Монголии, в издании семейного древа монгольских ханов и знати его имя не упоминается. Именно это противоречие вызывает особый интерес к его личности.

Методология и методы исследования. В анализе деятельности Цогту-тайджи применён историко-биографический метод. Он позволил проследить истоки формирования политических взглядов Цогту-тайджи. Применение сравнительно-исторического метода выявило общие черты и различия в политических тенденциях Внутренней (Южной) и Халха (Северной) Монголии. Аналитическое сопоставление основных обстоятельств политической борьбы в среде правящего слоя показало, что религиозный фактор стал основной разграничительной линией противоборствующих сторон.

Результаты исследования и их обсуждение. В научной литературе седения о том, что Цогту-тайджи остался практически в полной изоляции и был вынужден покинуть свои родовые владения в область оз. Кукунор, связывается с двумя обстоятельствами. Во-первых, с политической позицией Цогту-тайджи, поддержавшего южномонгольского Лигдэн-хана. Согласно монгольским и маньчжурским источникам, стремление последнего объединить и возродить централизованное государство монголов вызвало всеобщее сопротивление[1]. В политических условиях XVI–XVII вв., когда удельные тенденции нарастали и находились в решающей фазе, намерения Лигдэн-хана по подчинению князей Внутренней Монголии и Халхи своей власти явно не отвечали их интересам и той самостоятельности, которую они обрели. Знать имела свои владения, своих подданных, и все стремились быть независимыми, делая положение Монголии нестабильным. Раздробленные самостоятельные князья и нойоны хотели вести государственные дела по отдельности в своих собственных интересах. Способствовала этому также политика «разделяй и властвуй» государства Мин.

Монгольский правящий слой разделился на две части: те, которые поддерживали Лигдэн-хана и те, которые придерживались сепаратизма. Чтобы избавиться от децентрализующих факторов перед Лигдэн-ханом, стояла задача удержать своё право на правление как потомка золотого рода, обеспечить усиление государства и армии, защитить независимость Монголии, развить экономику и сохранить целостность границ Монголии. Однако развернулось интенсивное сепаратистское движение против политики централизации последнего великого хана Монголии Лигдэна. Это обстоятельство ослабило его силы в войне с маньчжурами и империи Мин [5–8]. Ситуация постепенно обострялась, часть удельных князей во Внутренней Монголии добровольно приняла подданство маньчжуров, часть бежала в Халху, усугубляя положение внутри Халхи и приводя к междоусобной борьбе.

Во-вторых, это связано с приверженностью и поддержкой Цогту-тайджи школы Сакья. Как описывает Б. Я. Владимирцов, в начальный период распространения тибетского буддизма различия в школах и направлениях не были столь существенны, чтобы стать основой для религиозных преследований и военных столкновений [9; 10]. Вскоре религиозная позиция стала подкреплять политическую. Желтошапочники получили поддержку большинства правящего слоя, лишь узкий круг, образовавшийся вокруг Лигдэн-хана в Южной Монголии и Цогту-тайджи в Северной, стал опираться на красношапочников [11; 12].

Так, традиционный шаманизм и красношапочное направление, получившее некоторое распространение, вытеснялись школой желтошапочников, вместе с тем духовное объединение монголов становилось труднодостижимой целью [13].

Тот факт, что Цогту-тайджи был проводником Лигдэн-хана и приверженцем противоборствующей школы Гелуг секты красношапочников, объясняет причины его забвения и искажения его роли в распространении буддизма и в просветительской деятельности. Однако это не объясняет личных мотивов Цогту-тайджи в отношении того, почему он стал сторонником централизации и союзником Лигдэн-хана, имевшего все

[1] Возможность предвзятости в цинской придворной историографии таких оценок рассмотрена в работе М. Е. Лхамсурэн [5].

права на великоханский престол. Отметим, что остаётся в силе утверждение Б. Я. Владимирцова о том, что причины, побудившие Цогту-тайджи выступить сторонником Лигдэн-хана, а также мотивы его политики остаются нам неизвестны [10, с. 233].

Для решения данного вопроса необходимо, как нам кажется, рассмотреть характер взаимоотношений Цогту-тайджи с влиятельными княжескими домами Халхи. Общеизвестно, что правление Даян-хана является своеобразной точкой отсчёта в политической истории Монголии позднего средневековья, после чего начинается этап децентрализации. Его сын Гэрсэндзэ-Джалаир-хунтайджи получил в удел область Халха-Монголию. Согласно принципу наследования каждому из своих сыновей (всего их было 11) Гэрсэндзэ должен был выделить собственный удел. Впоследствии главными из них стали три владения, правители которых представляли независимые княжества – Тушету-хан, Дзасагту-хан и Сэцэн-хан [11]. Владения Цогту-тайджи располагались на территории правителей, носивших наследственный титул Тушету-хан.

Из источников, освещающих ранний период деятельности Цогту-тайджи, известно, что он был самым влиятельным и авторитетным среди ведущих князей Халхи, в том числе и Джунгарии. Монгольский учёный С. Пэрлээ, анализируя правовой памятник «Восемнадцать степных законов», отметил, что имя Цогту-тайджи упомянуто третьим в законе, утвержденном на сейме князей 7 хошунов Халхи в год водяного кролика (1603). Кроме того, начиная с законов, принятых после 1614 г., его имя стали писать сразу после влиятельных князей Дайчин-хунтайджи и Далай Сэцэн-хунтайджи (хан Шолой) [14, с. 120]. Это свидетельствует о возросшем авторитете Цогту-хунтайджи в политической иерархии и о его значимом политическом влиянии в этот период.

Несмотря на то что Цогту-тайджи был очень могущественным князем, имевшим много подданных и большие владения в Халхе (в бассейне рек Орхон и Туул) и в Джунгарии, он находился в зависимом положении от Тушету-хана. В монгольском обществе, как известно, действовал родовой принцип наследования, согласно которому ханская власть переходила к старшему в роду. Однако в данном случае наследование было ближе к династийному принципу, и прямая ветвь Тушету-ханов считалась старшей над боковыми, которые находились в подчинённом положении.

Халхасский Цогту-тайджи (полное имя на монг. *Tümengken čoγtu qong tayiǰi,* Тумэнхэн Цохур Цогту-тайджи) является потомком Чингисхана в девятнадцатом поколении. Он был старшим сыном Бахарай-хошучи (1565), пятого сына Нунуху-Уйдзэна (1534–?). Нунуху-Уйдзэн (Оноху-Уйдзэн) – третий сын Гэрсэндзэ-Джалаир-тайджи (1513–1549). Последний был одиннадцатым сыном Даян-хана Бату-Мункэ (1464–1517), который являлся прямым потомком Чингисхана.

Поскольку Цогту-тайджи не относился к правящей линии потомков Тушэту-ханов, то он должен был признать верховенство их власти. Представляется, что противоречия, возникшие в отношениях с ними, а именно с правителями правящих домов Сайн-ноёна (младшей ветви Тушэту-ханов) Тумэнхэн Хундлон Цохуром (монг. *Түмэнхэн хөндлөн цөөхүр*) и Тушэту-ханом Гомбодоржем (монг. *Гомбодорж Түшээт хан*), сыграли решающую роль в формировании политических предпочтений Цогту-тайджи. Стремление к независимости и претензии на роль одного из лидеров Халхи последнего не могли не вызвать соответствующей реакции.

Крупный монгольский учёный Ш. Нацагдорж считает, что неизвестно, кто из халхаских князей был против Цогту-тайджи и непосредственно возглавлял борьбу против него [15]. Однако самым естественным в данном случае, как мы уже обозначили, было бы предположение, что выразителями общего недовольства знати деятельностью Цогту-тайджи могли стать только правители крупных монгольских удельных владений: Сайн-нойон, Тушэту-хан и Сэцэн-хан. При этом, как отмечено ранее, политическая борьба переплеталась с религиозными разногласиями. Таким образом, необходимым становится более подробное освещение отношений монгольских правителей к тому или иному течению буддизма, начавшему широко распространяться в Монголии в этот период.

Тумэнхэн Хундлон Цохур приходился старшим родственником Цогту-тайджи. Он известен как ревностный последователь буддийской религии, успешно распространявший её идеи. Первоначально он не проявлял открыто свои предпочтения какой-либо из школ, распространяя буддизм в целом.

В этот период в Тибете противоречия между двумя основными сектами буддизма – красношапочниками (школа Сакья) и желтошапочниками (школа Гелуг) – приобрели острую форму [16; 17]. Вскоре в борьбу между двумя направлениями в тибетском буддизме были вовлечены и монгольские князья.

Тумэнхэн Хундлон Цохур встал на сторону желтошапочников и выступил в Тибет для защиты Далай-ламы. Данное обстоятельство позволяет предположить, что Тумэнхэн Хундлон Цохур мог играть большую роль в изгнании Цогту-тайджи из Халхи, поскольку приверженность и военная поддержка главы школы Гелуг не могла не сказаться и на его позиции в отношении буддийских направлений собственно в Монголии. Цогту-тайджи, как известно, был последователем школы Сакья, то есть красношапочников, противостоящих желтошапочникам.

В пользу предположения о большой роли Тумэнхэн Хундлон Цохура в том, что Цогту-тайджи был подвергнут остракизму и был вынужден переселиться в область Кукунора, говорит и тот факт, что на рубеже XVI–XVII вв. после смерти Абатай-сайн-хана, основателя правящего дома Тушэту-ханов, Тумэнхэн Хундлон Цохур, как его младший брат, остался старшим в роду и фактически управлял Халхой. Его мнение в политических вопросах было решающим. Наиболее наглядно это находит подтверждение в Степном уложении («Законах на бересте»). Тумэнхэн Хундлон Цохур был князем, который имел резкие разногласия с Цогту-тайджи как в политике, так и в религиозных делах.

Известный монгольский учёный С. Пэрлээ отметил, что вполне возможно свидетельством открытого противостояния между Тумэнхэн Хундлоном Цохуром и Цогту-тайджи могут быть обнаруженные им остатки от разрушенной крепости: «...Олон Сумийн хул или восточный Рээтү находится на 47 широте и 102 долготе. На выступах на юге и севере реки Онги находятся следы каменных укреплений, которые могут быть связаны с битвой между сторонниками Тумэнхэн-Хундлун-Цохура и Цогту-тайджи» [14, с. 136].

По мере вынужденного переселения южно-монгольской знати в Халху росло влияние Сэцэн-хана Шолоя. Х. Пэрлээ пишет, что «... кочёвка некоторых князей из Внутренней Монголии, которые не хотели быть под управлением Лэгдэн-хана, в аймак Сэцэн-хана свидетельствует, что Халха была политическим центром наряду с Чахаром, и Сэцэн-хан Шолой был крупным государственным деятелем в Халхе как Лигдэн» [18].

Сэцэн-хан Шолой не мог не учитывать интересов прибывавших под его покровительство южномонгольских князей, что стало решающим фактором в его отношениях с Цогту-тайджи, поддерживающим Лигдэн-хана, от которого как раз и искали защиты его новые подданные из Внутренней Монголии. После изгнания Цогту-тайджи из Халхи влияние Сэцэн-хана ещё более возросло. В это время Тумэнхэн Хундлон в силу своего возраста снизил политическую активность и почти не принимал участия в государственных делах.

Тушэту-хан Гомбодорж был возведён в ханское достоинство в раннем возрасте и не мог принимать самостоятельных решений. В силу этого Цогту-тайджи, хотя и находился под властью Тушэту-хана, имел большое влияние в политической и религиозной жизни. По мере взросления Тушэту-хана Гомбодоржа излишнее своеволие Цогту-тайджи могло вызвать его недовольство. Монгольский учёный Ч. Сосорбарам пишет, что «Созрело время, когда Тушэту-хан повзрослел и захотел вернуть своё влияние и вытеснить дядю, который жил в дельте рек Орхон и Туул» [19, с. 124]. Данное высказывание позволяет говорить о противоречиях в принципах престолонаследия, когда предъявить свои права на верховную власть могли как старшие в роду, так и прямые наследники правителя [20; 21].

Линия Тушэту-ханов считалась старшей, во многом с ней связывали достижение единства восточных монголов перед лицом внешней угрозы, исходящей от маньчжуров. Одним из проявлений стремления к единству стало провозглашение в 1639 г. сына Тушэту-хана Гомбодоржа Ундур-гэгэн Дзанабадзара первым Богдо Гэгэном – главой буддийской церкви. Предпринятые шаги в этом направлении, хотя и отвечали устремлениям Цогту-тайджи к противостоянию маньчжурам, однако не вели к сближению их позиций, поскольку монгольские князья не были заинтересованы в утрате своей самостоятельности и подчинении власти Лигдэн-хана. Поддержка Цогту-тайджи политики централизации власти в руках чахарского Лигдэн-хана вела в условиях удельности монгольских правителей Халхи к постепен-

ной его изоляции, что в итоге обернулось изгнанием из родных земель.

Казалось бы, что союз с Лигдэн-ханом должен находиться в противоречии со стремлением Цогту-тайджи к большей независимости и самостоятельности. Здесь, как нам кажется, в основных своих мотивах ситуация с Цогту-тайджи повторяет события противоборства Алтан-хана тумэтского с Дарайсун-Годэн-ханом, носившим титул всемонгольского хана [22]. Если Алтан-хан в стремлении утвердить свой независимый статус стал приверженцем буддийской школы Гелуг, что также нашло отражение и в Халхе, всё более отдалявшейся от власти всемонгольского хана, то Цогту-тайджи, находясь в окружении политических противников, стал сторонником красношапочников, что делало его автоматически союзником Лигдэн-хана. Повторимся, что в начальный период распространения буддизма в Халхе правители уделов не делали особых различий между направлениями буддизма, довольно отчётливо позиция проявилась позже и не без влияния политической борьбы. Логичным представляется мнение о том, что отдалённый союзник был предпочтительным, чем нахождение непосредственно под властью Тушэту-ханов. Также нельзя забывать, что политика централизации власти в кочевом обществе не обязательно вела к утрате власти на местах. Речь, скорее, идёт о неких «вассальных» обязательствах.

Политико-религиозные разногласия Цогту-тайджи с местными аристократами привели к изгнанию в 1630 г. Цогту-тайджи и его сподвижников с исторической родины. В 1632 г. Цогту-тайджи намереваясь объединиться с Лигдэн-ханом, который был вынужден бежать после разгрома маньчжурами, направился в область Кукунор, где решил укрепить свои силы и снова бороться против маньчжурской экспансии. К 1634 г. Цогту-тайджи занял область озера Кукунор, подчинив местное монгольское и тибетское население. Его прибытие изменило расклад сил в Тибете, ввергнутого в борьбу школы Гелуг и Сакья [23]. Цогту-тайджи выступил защитником красношапочников, боровшихся против централизации власти Далай-ламы V. Однако вскоре на помощь Далай-ламе пришли ойратские войска во главе с Гуши-ханом, которые в 1637 г. нанесли окончательное поражение Цогту-тайджи.

Заключение. Таким образом, в данной статье нельзя исчерпывающе раскрыть все причины и мотивы того, почему Цогту-тайджи выступил в поддержку единства монголов и централизации власти в лице чахарского Лигдэн-хана. Материал, скорее, носит постановочный характер. На наш взгляд, пути решения связаны с необходимостью более тщательного анализа характера взаимоотношений Цогту-тайджи с влиятельными князьями. К сложному результату переплетений внутренних политических условий и религиозных взаимоотношений добавлен внешний фактор – нарождающееся государство маньчжуров, которое, став центром притяжения монгольской элиты, было заинтересовано во фрагментарности монгольского политического пространства. Возможно, что и политическая позиция Цогту-тайджи обрела свои окончательные черты именно под влиянием этого обстоятельства.

Список литературы

1. Perdue P. Boundaries, Maps, and Movement: Chinese, Russians, and Mongolian Empires in Early Modern Central Eurasia // The International History Review. 1998. No. 20. Pp. 263–286.

2. Perdue P. China Marches West: The Qing Conquest of Central Eurasia. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press. 2005. 725 p.

3. Ермаченко И. С. Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. М.: Восточная литература, 1974. 196 с.

4. Чимитдоржиев Ш. Б. Национально-освободительное движение монгольского народа в XVII–XVIII вв. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. 214 с.

5. Lkhamsuren M. E. The Taiji government and the rise of the warrior state: the formation of the Qing imperial constitution. Leiden: Brill, 2021. 567 p.

6. Di Cosmo N. Competing Strategies of Great Khan Legitimacy in the Context of the Chaqar-Manchu Wars // Imperial Statecraft: Political Forms and Techniques of Governance in Inner Asia, Sixth–Twentieth Centuries. Bellingham: Western Washington University Press, 2006. Pp. 1620–1634.

7. Elliott M. The Manchu Way: The Eight Banners and Ethnic Identity in Late Imperial China. Stanford, CA: Stanford University Press, 2001. 608 p.

8. Elverskog J. Our Great Qing: The Mongols, Buddhism and the State in Late Imperial China. Honolulu: University of Hawaii Press, 2006. 264 p.

9. Владимирцов Б. Я. Надписи на скалах халхаского Цокту-тайджи. Статья первая // Известия Академии наук СССР. 1926. Серия VI. Т. 20, вып. 13–14. С. 1253–1280.
10. Владимирцов Б. Я. Надписи на скалах халхаского Цокту-тайджи. Статья вторая // Известия Академии наук СССР. 1927. Серия VI. Т. 21, вып. 2. С. 215–240.
11. Скрынникова Т. Д. Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголия XVI – начала XX века. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1988. 103 с.
12. Ванчикова Ц. П. Буддизм в Монголии: история, духовенство, монастыри / отв. ред. Б. В. Базаров. Иркутск: Оттиск, 2019. 292 с.
13. Энхээ Ц. Манжийн түрэмгийлэл ба Лигдэн хааны улс төрийн үйл ажиллагаа: Монголын түүхийн судалгааны шинэ хандлага, тулгамдсан асуудал (XVII–XX зууны эхэн) хурлын эмхтгэл. Сэндай, 2009. С. 30–45.
14. Пэрлээ С. Халхын шинээр олдсон цааз-эрхэмжийн дурсгалт бичиг. Монгол ба Төв Азийн орнуудын соёлын түүхэнд холбогдох хоёр ховор сурвалж бичиг // Monumenta Historica. T. VI, fasc. I–II. Улаанбаатар, 1974. 139 х.
15. Нацагдорж Ш. Халхын түүх / Хоёрдахь удаагийн хэвлэл. Улаанбаатар, 2008. 383 с.
16. Wallace V. A. (ed.). Buddhism in Mongolian History, Culture and Society. Oxford: Oxford University Press, 2015. 325 p.
17. Kitinov B. U. The Spread of Buddhism Among Western Mongolian Tribes Between the Thirteenth and Eighteenth Centuries. Lewiston; Queenstone; Lampeter: The Edwin Mellen Press, 2010. 324 p.
18. Пэрлээ Х. Хэсэг байшингийн монгол бичээс. Бүтээлийн чуулган. III боть. Улаанбаатар: “БЭМБИ САН” хэвлэлийн газарт хэвлэв, 2012 он. Х. 272–281.
19. Сосорбарам Ч. Чингис хааны геополитик: Монгол улсын халхлалт, хамгаалалтын тогтолцоо: XII зуунаас – XVIII зууны цэрэг туухийн шинжилгээ. Улаанбаатар, 2012. 214 х.
20. Скрынникова Т. Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Евразия, 2013. 384 с.
21. Трепавлов В. В. Степные империи Евразии: монголы и татары. М.: Квадрига, 2015. 368 с.
22. Афонина Е. Н. К оценке политики тумэтского Алтан-хана (1507–1581) – Mongolica-VI: сб. ст. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. С. 39–47.
23. Laird T. The story of Tibet: conversations with the Dalai Lama // Grove/Atlantic. 2007. Inc. 1. 496 p.

Сведения об авторах

Чултэмсурэн Поогоо, научный сотрудник; Национальный центральный архив Монголии; 14200, Монголия, г. Улан-Батор, район Хан-Уул, ул. Архивариуса, 21-й квартал, здание архивного комплекса; e-mail: chultemsurenp@gmail.com; https://orcid.org/0000-0003-3197-3289.

Гомбожапов Александр Дмитриевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник; отдел истории и культуры Центральной Азии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; 670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; e-mail: agombozh@gmail.com; https://orcid.org/0000-0001-9793-2274.

Вклад авторов

Чултэмсурэн Погоо – основной автор, определял концепцию и методологию исследования, работал с источниками.

А. Д. Гомбожапов редактировал и оформлял статью.

Для цитирования

Чултэмсурэн Поогоо, Гомбожапов А. Д. Халхасский Цогту-тайджи: диссонанс оценок в историографии // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 3. С. 128–135. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-3-128-135.

Статья поступила в редакцию 30.07.2022; одобрена после рецензирования 04.09.2022; принята к публикации 08.09.2022.

References

1. Perdue, P. Boundaries, Maps, and Movement: Chinese, Russians, and Mongolian Empires in Early Modern Central Eurasia. The International History Review, no. 20, pp. 263–286, 1998. (In Engl.)
2. Perdue, P. China Marches West: The Qing Conquest of Central Eurasia. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 2005. (In Engl.)
3. Ermachenko, I. S. Policy of the Manchu Qing Dynasty in Southern and Northern Mongolia in the 17th century. M: Vost. lit., 1974. (In Rus.)
4. Chimitdorzhiev, Sh. B. National liberation movement of the Mongolian people in the XVII–XVIII centuries. Ulan-Ude: BNTs SB RAS Publishing House, 2002. (In Rus.)

5. Lkhamsuren, M. E. The Taiji government and the rise of the warrior state: the formation of the Qing imperial constitution. Leiden: Brill, 2021. (In Engl.)

6. Di Cosmo, N. Competing Strategies of Great Khan Legitimacy in the Context of the Chaqar-Manchu Wars. Imperial Statecraft: Political Forms and Techniques of Governance in Inner Asia, Sixth–Twentieth Centuries. Bellingham: Western Washington University Press. 2006: 1620–1634. (In Engl.)

7. Elliott, M. The Manchu Way: The Eight Banners and Ethnic Identity in Late Imperial China. Stanford, CA: Stanford University Press, 2001. (In Engl.)

8. Elverskog, J. Our Great Qing: The Mongols, Buddhism, and the State in Late Imperial China. University of Hawaii Press, 2006. (In Engl.)

9. Vladimirtsov, B. Ya. Inscriptions on the rocks of the Khalkha Tsogtu-taiji. Article one. Izvestiya of the Academy of Sciences of the USSR. VI series, issue. 13–14, pp. 1253–1280, 1926. (In Rus.)

10. Vladimirtsov, B. Ya. Inscriptions on the rocks of the Khalkha Tsoktu-taiji. Article two. Izvestiia of the Academy of Sciences of the USSR. VI series, v. 21, issue. 2, 215–240, 1927. (In Rus.)

11. Skrynnikova, T. D. Lamaist church and state. Outer Mongolia. XVI – the beginning of the XX century. Novosibirsk: Nauka, 1988. (In Rus.)

12. Vanchikova, Ts. P. Buddhism in Mongolia: history, clergy, monasteries. Irkutsk: Publishing House “Ottisk”, 2019. (In Rus.)

13. Enkhae, Ts. The Manchu invasion and the political activity of Ligden Khan, Proceedings of the Conference on New Approaches and Challenges in Mongolian Historical Research (XVII–XX). Sendai, 2009: 30–45. (In Mong.)

14. Perle, S. Khalkh’s newly discovered death-honorary memorial. Two rare documents related to the cultural history of Mongolia and Central Asian countries. Monumenta Historica. V. VI, fasc. I-II. Ulaanbaatar, 1974. (In Mong.)

15. Natsagdorj Sh. History of Khalkh. Ulaanbaatar, 2008. (In Mong.)

16. Wallace, V. A. (ed.). Buddhism in Mongolian History, Culture, and Society. Oxford University Press, 2015. (In Engl.)

17. Kitinov, B. U. The Spread of Buddhism Among Western Mongolian Tribes Between the Thirteenth and Eighteenth Centuries. – Lewiston, Queenstone, Lampeter: The Edwin Mellen Press, 2010. (In Rus.)

18. Perle, S. Mongolian inscription of a part of a house. Assembly of Creation. Volume III. Ulaanbaatar: Published by “BEMBI SAN” publishing house, 2012: 272–281. (In Mong.)

19. Sosorbaram, Ch. Chinggis Khan’s Geopolitics: Covering and Defense System of Mongolia: Analysis of Military History from the 12th Century to the 18th Century. Ulaanbaatar, 2012. (In Mong.)

20. Skrynnikova, T. D. Charisma and Power During the Epoch of Genghis Khan. St. Petersburg, 2013. (In Rus.)

21. Trepavlov, V. V. Steppe empires of Eurasia: Mongols and Tatars. Moscow: Quadriga, 2015. (In Rus.)

22. Afonina, E. N. On the assessment of the policy of the Tumet Altan Khan (1507–1581). Mongolica-VI. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 2003: 39–47. (In Rus.)

23. Laird, T. The story of Tibet: conversations with the Dalai Lama. Grove/Atlantic, Inc., 2007. (In Rus.)

Information about authors

Chultemsuren Poogoo, Scientific Researcher; National Central Archive of Mongolia, Archival complex building, Archivist’s street, Khan-Uul district-21st khoroo, Ulaanbaatar, 14200, Mongolia; e-mail: chultemsurenp@gmail.com; https://orcid.org/ 0000-0003-3197-3289.

Gombozhapov Alexander D., Candidate of History, Leading Researcher; Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; 6 Sakh’yanovoy st., Ulan-Ude, 670047, Russia; e-mail: agombozh@gmail.com. https://orcid.org/ 0000-0001-9793-2274.

Contribution of authors to the article

Poogoo Chultemsuren – first author, main research work of the article.

A. D. Gombozhapov – editing and formatting of the article.

For citation

Poogoo Chultemsuren, Gombozhapov A. D. Khalkhas Tsogtu Khuntaiji: Dissonance of Assessments in Historiography // Humanitarian Vector. 2022. Vol. 17, No. 3. PP. 128–135. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-3-128-135.

Received: July 30, 2022; approved after reviewing September 4, 2022; accepted for publication September 8, 2022.